

рѣдко вознаграждается достигнутымъ результатомъ. Примѣръ великихъ писателей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что безсмертіе произведенія не зависитъ ни отъ абсолютнаго совершенства формы, ни отъ отсутствія *прикрасъ и отступленій*. И тѣхъ и другихъ немало найдется у Шекспира — но развѣ не въ нихъ, между прочимъ, коренится его неистощимая сила, его неувядаемая прелесть? «Отступленіемъ», съ точки зрѣнія Мериме, слѣдуетъ признать и монологъ Гамлета: «to be or not to be» — а кто же станетъ утверждать, что безъ этого монолога «трагедія трагедій» была бы еще ближе къ послѣднему слову искусства? Кто станетъ жалѣть, что Шекспиръ не поработалъ еще нѣсколько лѣтъ надъ *отдѣлкой* «Гамлета»? Весьма можетъ быть, что слабыя сцены, попадающіяся тамъ и здѣсь, особенно въ четвертомъ и пятомъ актахъ, уступили бы тогда мѣсто другимъ, безукоризненно прекраснымъ; но имѣли ли бы мы тогда «Макбета», «Юлія Цезаря», «Бурю»?... Примѣромъ Мериме объясняется, до извѣстной степени, другое ходячее мнѣніе, ищущее источникъ поэзіи не столько въ настоящемъ, сколько въ прошедшемъ, не столько въ цивилизованныхъ странахъ Европы, сколько на лонѣ варварства или первобытной культуры. Отсюда «Salammbô» Флобера, отсюда апопееозъ востока и юга въ одной изъ критическихъ статей Золя. Нужно ли доказывать, что для истиннаго художника поэтическія тѣмы разсыяны всюду, что черный фракъ или цилиндръ ничуть не менѣе благопріятны для поэзіи, чѣмъ чалма или тога? Мы готовы признать за Мериме, вмѣстѣ съ Брандесомъ, заслуги искуснаго стилиста, значеніе классическаго прозаика; но мы никакъ не можемъ поставить его выше Бейля, на одинъ уровень съ В. Гюго, Мюссе или Бальзакомъ. Бейль, по справедливому выраженію Брандеса — психологъ и поэтъ; въ его «Rouge et noir» отразилась цѣлая эпоха, его Жюльень Сорель, Матильда де-ла-Моль, мадаме де-Реналь принадлежать къ числу выдающихся фигуръ портретной галереи XIX-го вѣка. Въ сравненіи съ ними блѣднѣютъ Кармень и Арсена Гильйо, блѣднѣетъ даже Коломба, лучшее созданіе Мериме. Кто никогда не увлекался самъ, тому не суждено увлекать другихъ; кто ничего и никого не любилъ, тотъ не могъ воздвигнуть себѣ «верукотворнаго памятника». Долго ли останется Мериме предметомъ поклоненія для «сорокалѣтнихъ свѣтскихъ людей» — этого мы рѣшать не беремся; мы знаемъ только, что истинная слава пріобрѣтается не этимъ путемъ и что кружокъ избалованныхъ гастрономовъ литературнаго вкуса еще не составляетъ потомства.